

**И. А. ГРИНЕВСКАЯ.
ПУТЕШЕСТВИЕ В КРАЯ СОЛНЦА
(О ВИДЕННОМ, СЛЫШАННОМ И ИСПЫТАННОМ)**

(Продолжение)

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Е. А. Митник)*

Аннотация: Настоящая публикация — продолжение очерка И. А. Гриневской (1864—1944) «Путешествие в Края Солнца» <1911—1914> с комментариями, в которых, в частности, также впервые обнародованы отрывки из ее переписки и других архивных документов. Эти путевые заметки дают представление о том жизненном и творческом опыте, который обрела писательница, побывав в Турции, Греции, Египте и Палестине, познакомившись с носителями идей ее религиозно-исторических поэм. Здесь описывается первая встреча И. Гриневской с Абдул-Баха, главой Веры Бахаи.

Ключевые слова: И. А. Гриневская, «Путешествие в Края Солнца», Баб, Бе-ха-Улла (Бахаулла), Абдул-Беха (Абдул-Баха), бабиды-бехаиды (бахаи), спутник Гриневской в поездке на Восток Мирза Алекпер Мамедханлы (Мирза Али Акбар Нахджавани), Л. Н. Толстой, персы.

Abstract: This publication is a continuation of the essay by I. A. Grinevskaya (1864—1944) «Journey to the Lands of the Sun» <1911—1914> with comments in which, in particular, excerpts from her correspondence and other archival documents are also published for the first time. These travel notes convey something of the life and creative experience that the writer had gained, having been in Turkey, Greece, Egypt and Palestine, having become acquainted with the bearers of the ideas of her religious and historical poems. It describes the first meeting of I. Grinevskaya with 'Abdu'l-Bahá, the head of the Bahá'í Faith.

Keywords: I. A. Grinevskaya, «Journey to the Lands of the Sun», Báb, Bahá'u'lláh, 'Abdu'l-Bahá, Bábís-Bahá'ís, Grinevskaya's companion in her trip to the East Mirza Alakbar Mammadkhanli (Mírzá 'Alí-Akbar-i-Nakhjaváni), Lev N. Tolstoy, Persians.

Данная публикация — продолжение очерка И. А. Гриневской (1864—1944) «Путешествие в Края Солнца» <1911—1914>¹ (главы IX—X). В ее

¹ См.: Митник Е. А. Неизвестные материалы Изабеллы Гриневской: «Путешествие в Края Солнца» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 гг. СПб., 2009. С. 246—267; Гриневская И. А. Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) [главы I—VI] // Ежегодник Рукопис-

биографии остается немало лакун. И. Гриневская (урожд. Фрейдберг) родилась в г. Сувалки (Suwalki).² «По некоторым данным, она была дочерью востоковеда Авраама Фридберга, но никакого документального подтверждения этому в архиве нет, однако есть сведения о ее принадлежности к семье Самуила Фрейдберга, судовладельца <...>».³ О матери писательницы также нет достоверной информации; в мемуарах Гриневской крайне скудные биографические сведения. «Чтение Весселитского (Г. С. Веселитского-Божидаровича. — Е. М.) моей поэмы состоялось в Лондоне в 1907 году в Обществе Всемирной Печати, председателем которого он состоял. Чтение его, конечно, получило отклик во многих газетах разных стран. Вот телеграмма об этом чтении у нас: “В Лондоне у герцогини Сутерланд состоялось собрание союза иностранной печати для выслушания сообщения корреспондента “Н<ового> Вр<емени>” о драме “Баб” г<оспо>жи ГРИНЕВСКОЙ. <...> Драма, вероятно, будет поставлена на английской сцене. И. А. Гриневская — уроженка Гродненской губ<ернии>, мать ее, 72-летняя старушка, проживает в г. Вильне”».⁴

Мы переписываемся с Яном Яшоном (Jan Jasion), французским исследователем (польского происхождения) биографии и творчества И. Гриневской, ведущим свои изыскания в этом направлении с 1978 г. Готовится к печати его книга о писательнице в издательстве «George Ronald of Oxford». По его словам, он попытался дать общее представление о Гриневской польской аудитории и шире — западной. Я. Яшон составляет библиографию ее работ для Национальной библиотеки Польши в Варшаве (*польск.* Biblioteka Narodowa w Warszawie).⁵ Он

ного отдела Пушкинского Дома на 2016 г. СПб., 2017. С. 434—491; *Гриневская И. А.* Путешествие в Край Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) (Продолжение) [главы VII—VIII] // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018—2019 гг. СПб., 2019. С. 271—287.

² Город на северо-востоке Польши; с 1815 г. — в Царстве Польском Российской империи, после Гражданской войны в Российской империи и необъявленной советско-польской войны (события 1918—1921 гг.) город стал относиться к Польше.

³ Гриневская Изабелла Аркадьевна. Фонд 55 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009—2010 годы. СПб., 2011. С. 1101.

⁴ *Гриневская И. А.* История моих Восточных поэм. Часть I // РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 13, л. 36, 38. Публикуется впервые.

⁵ Попутно заметим, что мы начали составлять библиографию произведений И. Гриневской и литературы о ней в 2003 г. (в свое время, по просьбе сотрудницы РО ИРЛИ, мы отправили в Пушкинский Дом этот перечень). Наши публикации, в частности, касались проблем редакционно-издательской подготовки ее литературного наследия: поэтических, прозаических, драматических, публицистических и переводных произведений (см.: *Митник Е. А.* Изабелла Гриневская — забытый литератор Серебряного века. СПб., 2007. С. 9—20; *Митник Е. А.* Религиозно-исторические сочинения Изабеллы Гриневской. СПб., 2007. С. 148—155; *Митник Е. А.* Очерковая книга Изабеллы Гриневской «Путешествие в Край Солнца» как завершение ее трилогии о бахаизме. СПб., 2008. С. 151—158). Тогда имя этого некогда известного литератора было почти забыто. С Яном Яшоном мы заочно познако-

предполагает, что мать писательницы была немкой; очевидно, сестры ее матери говорили на немецком языке, а возможно, и на идише. Первыми языками И. Гринеvской дома были польский и немецкий. По всей видимости, это во многом определило стилистические особенности ее сочинений. И так, нашлось объяснение тому, почему подчас возникает ощущение, что русский — не родной для нее язык.

Книги, которые И. Гринеvская читала в детстве, а также ее комментарии и произведения указывают на то, что их семья была весьма образованной, либеральной и терпимой, лояльной к Польше. В автобиографии писательница упоминала запрещенные царским правительством книги, которые она читала на польском и немецком языках, представляя их названия на русском языке. Предположительно, семья по этническому признаку была немецко-еврейской и, вероятно, польской, а по национальности — польской, что нередко в этой части Польши. Я. Яшон выдвинул, по его словам, «бездоказательную теорию»: возможно, отец И. Гринеvской был вовлечен в польское восстание, и, чтобы защитить родных, она не касалась семейной истории.⁶

Продолжая изучать богатейший архив писательницы, пока мы вынуждены довольствоваться лишь намеками писательницы об ее корнях: «...по многим причинам нельзя сказать всего <...>. <...> все, что могут во мне ценить, я получила в наследство от родителей, главным образом, от матери, а также атавистическим путем. Среди моих дедов и прадедов были выдающиеся, оригинальные личности. Любовь к литературе была у матери. Пушкин, Лермонтов, Мицкевич были ее любимыми писателями. Из немецких классиков она чаще всего вспоминала драму “Торквато Тассо” Гёте. <...> У одной из моих теток со стороны отца тоже была большая начитанность в немецкой литературе. <...> Прежде всех влияла на развитие мое мать, которая была и первая моя учительница <...> а также бабушка (со стороны матери). <...> У меня не было особых ранних опытов, но я имела возможность наблюдать их — и это, конечно, способствовало развитию писательского дара. Способствовали развитию его <...> самые стены дома, в ко-

мились и стали делиться своими изысканиями в 2018 г.; отродно, что в наши дни он, а также Е. В. Виноградова, Е. В. Леоненко, М. Ю. Коренева и др. в своих работах приоткрывают завесу тайны над личностью Изабеллы Гринеvской.

⁶ Я. Яшон заметил, что в наши дни Изабеллу Гринеvскую путают с Бертой Фридберг, писавшей исключительно на идише под именем Изабель или Изабелла, а в своей последней работе (1894) использовавшей имя Белла Спектор. Б. Фридберг родилась в Гродно (1863 или 1864); ее отец Авраам Шалом Фридберг (1838—1902) — еврейский писатель, публицист и редактор; ее первый муж — еврейский писатель Мордехай Спектор (1858—1925), за которого она вышла замуж в 1886 г. в Петербурге; в 1895 г. снова вышла замуж — в Вильносе за Хаима Сандомирского. Жила в Одессе с 1890 по 1910 г., затем уехала в Константинополь, где умерла в 1938 г. Все сочинения И. Фридберг были опубликованы в Варшаве.

тором я жила. Это был дом, некогда принадлежавший польским королям, старый, мрачный <...>».⁷

По воспоминаниям И. Гриневской, первым ее «оригинальным произведением был очерк о французском моралисте XVI века Мишеле Монтэне и его “Essais”».⁸ <...> А ведь это был труд немалый, если вспомнить, что “Essais” написаны на древнефранцузском языке. Разобраться в нем было весьма нелегко».⁹ Свои мысли о предвестнике новой религии первоначально она думала изложить в форме философского трактата, но «помня муки, испытанные с трактатом о Монтэне»,¹⁰ решила выразить их в драматической поэме «Баб» (1903). Волею судьбы в 1912 г. поэтесса познакомилась во Франции с переводчицей Ниной Гальперин-Каминской, с театральным критиком, а позже премьер-министром Франции Леоном Блюмом и директором театра «Одеон» Андре Антуаном, о чем нам сообщил Я. Яшон. Эти сведения подтверждаются документами из архива И. Гриневской: «...поэма (“Баб”. — Е. М.) была причиной моей поездки в Париж, куда меня вызвала переводчица ее на французский язык Гальперин, та самая, которая перевела текст “Снегурочки” оперы Римского-Корсакова. <...> я рассказывала в том очерке (“От Кранца до Парижа”. — Е. М.) об отношении к моему труду критика Леона Блюма, нынешнего премьера Франции, и его брата Рене, ввиду того решающего значения, которое оно могло бы иметь на судьбу этого труда и на всю мою жизнь, если бы я умела б р а т ь, если бы я умела пользоваться благоприятными обстоятельствами. <...> После вторичного чтения Антуан пишет моему критику, ставшему мне новым, дорогим другом: “...Мое первое впечатление осталось неизменно то же, как от превосходной вещи, недостаточно удовлетворительный перевод которой делает невозможным представить ее в такой форме французской публике”. <...> Все дело остановилось потому, что я должна была вернуться в Россию по самой прозаической причине. Не было денег, нечем было жить в Париже».¹¹

Я. Яшон хранит письма И. Гриневской к Шоги Эффенди (главе Веры Бахаи в 1921—1957 гг.), многие из которых без почтовых штемпелей на конвертах, т. е. они были тайно вывезены из Советского Союза. В архиве РО ИРЛИ есть письма Абдул-Баха и Шоги Эффенди к И. Гриневской, а также черновики ее писем к ним.¹² Баб, Бахаулла и Абдул-

⁷ Изабелла Аркадьевна Гриневская // *Фидлер Ф. Ф.* Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей. М., 1911. С. 243, 247, 254. Далее — *Фидлер Ф. Ф.*

⁸ См.: *Гриневская И.* Мишель Монтэнь и его «Essais» // *Образование.* 1896. № 11—12; *Гриневская И.* Мишель Монтэнь и его «Essais» // *Театр и искусство.* 1902. Т. VIII. Вып. седьмой. С. 1—25; вып. восьмой. С. 1—19. (Б-ка ж-ла «Театр и искусство»: беспл. прил.; № 41).

⁹ РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 13, л. 2—3. Публикуется впервые.

¹⁰ Там же, л. 3. Публикуется впервые.

¹¹ Там же, л. 42—43. Публикуется впервые.

¹² См., например: РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 2, № 232, 244, 1204.

Баха — столпы мировой религии Бахаи — стали героями ее главных произведений. «...Книга “Баб” привлекла ко мне много благородных сердец, дала мне бескорыстных друзей и доброе отношение ко мне людей науки, литературы, журналистики, печатников и <...> читателей разных положений, состояний, партий и национальностей. Это отношение было для меня дорогой наградой за труд, за выдержку, за сопротивление соблазнам, за терпение, необходимые при совершении такого рода труда. Это отношение и было те охапки роз, разбросанных на моем пути, заставившие меня забыть об их шипах <...>».¹³

«Путешествие в Края Солнца» печатается по машинописи с правкой писательницы (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 10). Текст очерка приводится в соответствии с современными нормами орфографии, с сохранением отдельных пунктуационных особенностей оригинала. Трудно читаемые слова, сокращения и предполагаемые пропуски восстановлены в угловых скобках.

В комментариях к очерку впервые опубликованы некоторые отрывки из переписки И. А. Гриневской и других архивных документов.

Выход в свет очередных глав этого эссе — в какой-то мере наш отклик на ее призыв: «Издатель, вместо *биографии* дайте лучше еще один образчик моих сочинений. Читатели, читайте меня: прочитав, вы узнаете меня, и может быть, и полюбите меня».¹⁴

Приносим глубокую благодарность Ю. А. Иоаннесяну, С. Ю. Митнику, сотрудникам Рукописного отдела Пушкинского Дома и общине бахаи — за всемерную помощь.

И. А. Гриневская
Путешествие в Края Солнца
(о виденном, слышанном и испытанном)
(Продолжение)

Глава IX

Я изучаю «его». — В чем будут состоять мои дальнейшие воспоминания. — Почему мои пьесы «Баб» и «Беха-Улла» одобряются мусульманами разных толков. — Баб, Беха-Улла и Абдул-Беха — характерные представители Востока. — Вопросы, задаваемые при встречах у нас и на Востоке. — «Ничего». — Каковы бабиды, бехаиды и персы. — Готовлюсь к встрече с вождем бехаидов. — Высказываю желание спутнику, чтобы вождь узнал содержание моей поэмы. — В чем заключается это содержание и что в ней выражено с первого взгляда.

Я почти не выходила из моей каюты, чтобы излечить больную ногу. Мы приближались к Александрии — к цели моей поездки, где я долж-

¹³ РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 13, л. 16. Публикуется впервые.

¹⁴ Фидлер Ф. Ф. С. 244.

на была увидеть ближайших потомков героев моих двух пьес «Баб» и «Беха-Улла», последователей описанного мною учения, единственного представителя которых я увидела впервые только в Одессе, в лице моего снисходительного ко мне и терпеливого спутника.

В пути я, конечно, «изучала» «его», как и он меня, наверно. Я в нем изучала культуру Востока в ее последнем слове, а он во мне — изобразительницу этого Востока, вдохновившуюся волею судеб унесшим и его религиозным движением к новым горизонтам.

Тут я остановлюсь, чтобы сказать вперед, в чем будут состоять теперь мои воспоминания об общении с людьми, к которым я направлялась. Напомню снова, что я отправилась на Восток со специальной целью познакомиться со средой бабидов-бехаидов — с тем, чтобы проверить с бытовой стороны написанную мною пьесу «Беха-Улла». Среда эта может служить показателем новых чаяний в мусульманстве, как и средоточием лучших его начал и исконных свойств магометанских народов, хотя бехаизм и отвергается магометанством.¹ Среда эта, с моей точки зрения, и н и к е м (здесь и далее разрядка И. Гриневской. — Е. М.) ранее не была описана. Впервые бытовой ее характер и дух изобразила я в моих книгах — исключительно силой воображения, силой догадки и изучения общего мусульманства и его культуры. Теперь я имела возможность видеть этих людей телесными очами и дать фотografiю этой для всех неведомой жизни, жизни людей, исповедующих веру всеобъединяющей, всечеловеческой, всеобъемлющей любви. И мое описание будет насколько возможно точной передачей моей жизни среди этих людей. Я буду приводить и сравнения замеченных характерных черт действительности с изображенным в моих книгах. Я должна сказать, что, прожив много недель в новой для меня среде, я с радостью заметила, что действительность совпадала с изображенным, что я описала неведомую мне среду с правдой очевидца. Или я смотрела на действительность сквозь очки моего воображения?

Я поняла тут, почему мои обе пьесы находят одобрение в просвещенных мусульманах всех толков. Мусульмане, не затуманенные неистовством фанатизма, видят, что в пьесах моих я осветила дух самого мусульманства в моменты, когда он охвачен пылом веры, в моменты, когда он как бы стоит перед истиной, которую не перестают искать дети ислама и ждать ее появления с милостивых, озаренных солнцем небес.

В лицах Баба, Беха-Уллы и сына последнего, Абдул-Беха, — часть персидского народа видит воплощение этой мировой истины, над которой покоится блеск Аллаха; они видят часть этой мировой истины, в которую Он вдохнул свой дух.

Перс с<о> своим пророком Магометом говорит: «Чернила ученых и поэтов и мудрецов священные крови мучеников». И к таким ученым мудрецам и поэтам на Востоке даже правительство, преследуя их, относится с<о> страхом Божиим, воздает им должное почтение. С таким же почетом относятся к ним и самые ярые противники. Последователи

мудрецов глядят на них, как на гонцов небесных. Пребывание этих пророков среди людей не мешает их обожествлению.

Запад пойдет за гением, кто бы он ни был. Восток пойдет за тем, жизнь которого осенена духом Божиим. Запад идет за человеком. Восток пойдет за божеством, за существом вне этого мира.

Абдул-Беха, к которому я ехала, почитается одним из подобных существ... Он мудрец, поэт, ученый, носитель небесной истины... Не сразу, а мало-помалу пред вами развернется характер целого. Я буду передавать мои наблюдения, разговоры, отношения ко мне разных лиц интересующей меня среды по мере знакомства с ними.

«Разве персы такие, как у вас описано в поэмах?» — слышу я часто от прочитавших мои книги людей, весьма образованных.

Персы считаются у нас чуть ли не дикарями. Однако вспоминаю, даже в одном учебнике сказано, что персы — французы Востока. Скажу более — если где осталось рыцарство в обращении, в красоте внешней манеры — так это именно на Востоке вообще, а в Персии — в частности. И только перс мог сказать то, что говорит в моей поэме Беха-Улла: «Лишь красотой чаруя — повергнете вы беды в прах».² Красота обращения, деликатность — вот те чары, о которых говорят враги нового учения.

Вот мой спутник. Узнала случайно от него, что он причастен к технологиям, что он управлял какими-то нефтяными делами. Я не задавала ему никаких вопросов об его образовании официальном,³ его общественном положении и состоянии. Восток не считает приличным задавать вопросы, которыми при первом почти знакомстве обмениваются у нас.

— Вы кто? — если осмелюсь спросить, — где служите? Сколько жалованья вы получаете, сколько вам лет? Женаты вы, вы холостой и т. п. — Подобные вопросы, от которых так и пахнет полицией, которые задаются у нас постоянно, не принято задавать на Востоке.

В одной из моих одноактных пьес «Охота на медведя»⁴ наши обычаи в этой области изображены довольно подробно.

У нас эти вопросы задаются не из интереса к новому знакомому, а так, из любопытства, доставшегося нам от героев Гоголя по наследству, из любопытства или даже просто так. Задаются точно для того, чтобы и нового знакомого и сведения о нем выбросить вон из головы. Также заносятся у нас сведения о писателях без всякого интереса к их сочинениям. И «он», спутник мой, также меня не спрашивал ни о чем и также не говорил о себе.

Только теперь, уже на последнем переходе к Александрии, я узнала, сколько я причинила ему хлопот. Вместо того чтобы съехаться с ним в один день в Одессе, или же хотя бы на два дня позже, я прибыла в Одессу через 20 дней. И он меня все ждал. Каждый день ходил «он» на поезд встречать меня. Полагая, что он меня пропускал, не узнав меня, он каждый день также отправлялся в адресный стол справлять-

ся, не прибыла ли в Одессу такая госпожа, «так что барышня в адресном столе уже меня знала и верно думала, что я сумасшедший», — заметил он.

— Вам, верно, надоело меня ждать, — сказала я неостроумно.

— Ничего, — ответил на это мой спутник. «Ничего» — это даже чисто по-русски. Но ведь известно: *grattez le russe <et> vous trouverez le tartare*,⁵ — а татарами у нас и у французов считают всех мусульман, даже арийцев — персов. Впрочем, в сравнении с «тата́рами» не обидно для русских, как мы увидим ниже...

Когда я сказала, почему он мне не сообщил в Одессе о своих мытарствах из-за меня, он опять ответил: «Ничего, не стоило вас огорчать». «Ничего»! Как я обрадовалась этому милому знакомому слову. «Ничего», — отвечал он на мой вопрос, как его голова, болями которой он, должно быть, очень страдал, потому что даже этот восточный долготерпеливец изредка жаловался.⁶ Он говорил «ничего», когда я тревожно спрашивала, а что если Абдул-Беха уехал в Америку. «Ничего»... мы поедem за ним. Ни капли тревоги, суетливости. Он скажет «ничего», подумала я, когда бы его повели на смерть за идеи. Точно так, как у меня описаны герои моих поэм «Баб» и «Беха-Улла», думала я радостно, сравнивая предмет моего наблюдения с героями моих пьес.

«Ничего»... и притом все время ровное, тихое, безмятежное настроение. Это сын Востока, это сын религии всех религий.

Впрочем, однажды я спросила одного юношу-перса — не-бехаида, с которым познакомилась через несколько лет после того, как вышла моя поэма «Баб»: «Вы не страдаете здесь от холода?» «Ничего, — ответил он. — Вот на параде в мороз, когда приходится часа два держать ружье, — холодно». — «И что же вы?..» — «Ничего, держим», — ответил сын жаркого Ирана, не привыкший к большим холодам. А этот юноша, должно быть, был особенно избалован, так как по происхождению своему он принц и сын богатых родителей.

Когда мы вышли на берег в карантине на острове близ Константинополя, капитан нашего корабля повел нас, пассажиров, показать маленькую церковь, как я уже сказала раньше, которую матросы реставрируют при каждой остановке близ него. Мирза Али Акпер, так зовут моего спутника,⁷ пошел с нами, конечно. Когда все пассажиры разбрелись, он еще некоторое время оставался в созерцании. «Я люблю все места, где есть Бог», — сказал он, произнося твердо «г», как «к», что не ускользнуло от моего насмешливого духа и тут, хотя я была в восхищении от этой фразы, как будто я нашла потерянную дорогую вещь, ибо она совпала с описанным в моей поэме.

Вот каковы на самом деле эти люди, любящие все храмы, каковы эти персы, потомки былых завоевателей мира, Дария Гистаспа и Кира, потомки закаленных в боях воинов. Только предки их завоевывали мечом, а они поднялись, чтобы завоевать мир любовью. И так я тут же решила: у меня они описаны верно. Тихие, скромные, терпеливые, умеющие

переносить лишения и твердо идти к цели, не боясь страданий. «Блаженны тихие», — говорит в моей поэме Баб. Неужели все таковы?

«Смотрите же — терпенье —
Оно мой щит,
Прощенье —
Мое копьё.
Любовь — мой меч, вот все
Мое вооружение», —

говорит Беха-Улла в моей поэме.

Что думал обо мне мой спутник при виде перемен моего настроения, горячности, с которой я защищала мои мнения, нетерпения, с каким я выслушивала возражения? Что он думал о моей самоуверенности, капризности и многоречивости доказательств, упорстве, в то время как он сам так деликатно и тихо делает свои возражения, начиная с «да»?.. Ведь он, наверное, полагал, что автор двух религиозно-философских пьес, автор «Баба» и «Беха-Уллы», должен не говорить, а вещать, не смотреть, а лицезреть, не сидеть, а восседать, не ходить, а шествовать...

Что он думал? Но бегаиды могут думать о других только хорошее, а если бы они и думали дурное, они не должны об этом говорить.⁸

«Кто злословит — тот не бегаид», — говорит Беха-Улла, но если бы бегаид непременно захотел говорить о недостатках чьих-нибудь, то пусть он говорит о самом себе, ибо свои недостатки ему самому могут быть лучше известны, чем недостатки других».⁹ Это уже я сказала ранее, но не мешает повторять эти вещи.

Тут я вспоминаю изречение другого мудреца европейского, который, впрочем, немало изучал Восток. Это Ренан.¹⁰ Он сказал: «De soi on ne doit parler ni en bien, ni en mal».¹¹ А между тем, вот бывают случаи, когда приходится говорить о себе и en bien, и en mal, ибо мы говорим о себе не только словами, но и делами.

Готовясь встретиться с вождем бегаидов, я ощущаю волнение моего спутника, который, очевидно, хотел, чтобы я произвела хорошее впечатление. Он меня спрашивает, что я намерена сказать Абдул-Беха. Я отвечаю: я не намерена говорить, а <намерена> слушать. Скажите так Абдул-Беха: «Я, как странник, которого приютили в доме, у ворот которого он долго стоял и внутренность которого он рисует себе в воображении. Он входит и сравнивает воображаемое с действительностью и немеет перед нею. Он ловит тепло очага и ласку речей... Что я могу говорить? Я хочу слушать». Затем я говорю спутнику, что, если бы я могла говорить по-персидски, я бы рассказала вождю содержание моей трагедии, ради которой ведь я еду к нему и в которой есть все, что я могла бы сказать. «У меня она записана акт за актом, и я ему о ней доложу, но, если вы хотите, я готов слушать, чтобы вы сказали сами», — отвечает он. И я сказала следующее:

«В моей трагедии “Беха-Улла” я изображаю жизнь бабидской общины со времени ее бегства из Персии до года кончины Беха-Уллы.

Само действие начинается за неделю или более до выселения ее из Багдада в Константинополь, хотя из речей действующих лиц, с первого же явления, указывается и на предшествовавшие события, на само возникновение бабизма, смерть Баба и преследования бабидов в самой Персии.

Параллельно изображается внешняя и внутренняя трагедия жизни Беха-Уллы. Внешняя: преследования, которым он подвергался со стороны правителей светских, духовных, враждебные действия по отношению к нему со стороны любимого младшего брата и воспитанника, необходимость возвращать общину на путь заветов, оставленных Бабом, на путь непротивления и прощения, заветов, забываемых и малопонятных, а также удержать ее на этом пути в минуты грозных преследований. Внутренняя трагедия — это переживания Беха-Уллы, его страдания, сомнения, путем которых он приходил к заветам, о которых мы знаем и которые кажутся нам столь спокойно звучащими. Трагедия эта переживается всеми пророками, посланными Богом на землю, чтобы сквозь горнило их духа и даже тела проходили все муки, все страдания, все сомнения и колебания человечества, дабы они могли все понимать и получили умение говорить языком, понятным для немогущего духа человека.

Помимо этого, устами Беха-Уллы дается ответ на все главнейшие и обыкнейшие возражения, которые делают против необходимости всечеловеческой любви».

Глава X

Подъезжаем к Александрии. — Новые фигуры сынов Востока. — Бытовая картина. — Мы едем по городу. — Ухожу в прошлое, гляжу в будущее. — Первая встреча с хозяином квартиры, где жил Абдул-Беха-хаджи. — «Хейли хуб». — Поездка в фаэтоне и по трамваю в пригород Александрии — Рамлэ. — Я слушала первые разговоры бегаидов и первые опыты спутника в деле драгоманства. — Первые пальмовые рощи. — Первое вступление в дом, где жил Абдул-Беха. — Первая с ним встреча. — Обмен первыми речами. — Сравниваю слышанное с уже описанным давно в «Бабе».

В этих и иных беседах подъезжаем к Александрии. На берегу я вижу уже другие фигуры, фигуры босоногих арабов, в белых рубашках и повязанных платках на голове. Босоногие, одетые в ничего не стоящие тряпки, но... что это все за принцы, какая походка и какие лица! Однако бывалые люди говорят: все это мазурики и попрошайки. В то время как мой спутник вышел на берег, я осталась на судне. Сажу на нижней палубе, на скамье, и говорю с бравым капитаном.

Наконец, наши вещи водрузили на фаэтон, и мы едем. Откуда ни возьмись, молодой араб вскочил на козлы и что-то лопочет, указывая на меня. «Кто это?» — спрашивает меня мой спутник.

А дело было так: когда мой спутник оставил меня на пароходе, чтобы урегулировать какие-то формальности — меня продолжали осаждать эти «новые фигуры», которых я рассматривала с понятным любопытством. Среди осаждавших меня был и этот молодец, обратившийся ко мне по-итальянски с предложением вынести вещи.

«Sono onesto, altri malonesti»,¹² — коверкал он божественный язык Данте.¹³ Я имела неосторожность улыбнуться и сказать, что вот придет signor,¹⁴ он ему скажет, нужен ли он. Но «signor» привел уже другого носильщика, тем не менее «итальянец» не хотел уступить и, хотя вещи были вынесены другим и положены в фаэтон — он неотступно следовал за нами, взгромоздился на козлы, а потом и потребовал плату за «труд».

Мой бегаид тут впервые выказал против человека неудовольствие, для меня же это была интересная сцена нравов для наблюдения. Интересно было видеть и то, как теория сживается с практикой.

Вот мы едем по этому городу, в котором некогда сосредоточивалась культура Востока. «Некогда здесь было средоточие богатейшей культуры Египта... и т. д.», — вспоминаю я историю. Цезарь и Клеопатра, александрийские философы, к которым стекались ученые всего цивилизованного мира того времени. Где это все теперь? Ухожу в прошлое и гляжу в ближайшее будущее, думаю о предстоящем мне свидании. Мной овладевает серьезное беспокойство насчет впечатления, которое я могу произвести на Восток. Никогда не отличалась искусством быть внушительной... а тут полное незнание языка. И неискусное владение речью уже придает человеку весьма глупый вид, а совершенное незнание языка придает ему вид идиотский, и это мне известно...

Едем по благоустроенным улицам. Едва их вижу, так как я поглощена другими мыслями. Подъезжаем к одному магазину, т<ак> н<азы>ваемых красных товаров.¹⁵

— Сейчас мы узнаем, здесь ли еще Абдул-Беха. Хозяин магазина — бегаид, Хаджи Ага Мамед.

— Абдул-Беха занимает половину его большой квартиры, — сказал Мирза Али Акбер, видимо сдерживая волнение.

Входим в узкий и длинный полутемный магазин, какие встречаются и у нас в больших провинциальных городах. Продавцы, как и у нас, отпускали товар, хлопоча около покупателей. За конторкой сидел красивый старый, с совершенно черной, небольшой, подстриженной бородой, перс, в полуперсидском, полуарабском костюме, с белоснежной чалмой на голове. Суровое лицо его при виде вошедшего знакомого бегаида прояснилось. Он обнял вошедшего и братски поцеловал. Меня он усадил. Непременно хотел нас сейчас же угостить, но спутник мой Мирза Али Акбер запротестовал, горя нетерпением скорее увидеть вождя. К счастью, Абдул-Беха оказался еще в Александрии, а когда он уедет и куда — еще никому неизвестно.

— Как чувствует себя Абдул-Беха? — заботливо справился Мирза.

— Хейли хуб, очень хорошо, — последовал ответ.

Мы поехали в фэртоне к трамваю, идущему в Рамлэ, к пригороду Александрии, вроде нашего Петергофа, где иные богатые александрийцы живут постоянно и куда съезжается в летние месяцы состоятельное население этого города. Мы покатали по электрическому трамваю,¹⁶ как будто бы мы находились в Петербурге, а не на месте рождения Клеопатры.

— Где мои 7 мест? — вдруг озаботилась я.

— О них уже подумали, — отвечает мой спутник.

По дороге к трамваю, Хаджи — высокий, статный, замечательно грациозный человек, рассказывает нам с наивностью ребенка о своем чудесном исцелении. В этом чудесном исцелении какую-то роль играл Абдул-Беха (не помню теперь подробно), и с тех пор он предан ему душой и телом, с тех пор вера его непоколебима, крепка, как скала. Все это говорится по-персидски, и Мирза переводит мне сказанное.

Я только таращу глаза и слушаю, ловлю речи этих первых бегаидов, которых вижу, и запечатлеваю в уме их движения...

Вот едем по Рамлэ... вот первые пальмовые рощи, которые я видела только на картинах, вот белые ограды домов, через которые свешиваются вьющиеся растения с лиловыми цветами...

Подъезжаем к одному из белых домов, примыкающему к роще пальм, упирающихся в лазурь. Жалкое подобие этих деревьев мы видим в наших оранжереях или в кадках в ресторанах с румынами,¹⁷ или на колоннах наших салонов. Поднимаемся по мраморной лестнице, еще, видно, неприбранной, несколько запущенной.

Меня вводят в просторную комнату обыкновенного европейского убранства провинциального характера людей среднего достатка. На стене висят в рамках какие-то письма и портрет замечательной красоты молодого перса. Вскоре вошел Хаджи и позвал меня к Абдул-Беха...

«Абдул-Беха!» — торопливо воскликнул он и жестом пригласил меня идти за собою.

Я вхожу в небольшую светлую комнату, очень просто обставленную. На низком кресле, покрытом белым чистым чехлом, сидел с поджатыми по-восточному ногами старик, с белыми серебристыми волосами по плечам и белой бородой. На нем белая, так называемая «камис», поверх которой надет верблюжьего цвета «лабаде».¹⁸ На голове невысокая белая фетровая шапочка, обмотанная тонким белоснежным тюрбаном. Лицо? Это не тот красивый молодой человек, что я видела на портрете (который оказался именно его портретом в молодости), а красивый старец с выразительными чертами лица, строгого характера и необыкновенно большими серыми глазами, оттененными густыми ресницами. Чем-то странным, таинственным и далеким веет от всей его величественной, несмотря на явно небольшой рост, фигуры. Абдул-Беха сидит. Перед ним на стуле, в мягком котелке на голове,

сидит со сложенными на груди накрест руками мой спутник и молитвенно глядит на этого старого человека, которого вначале я рассматриваю только с интересом. Вождь бегаидов указывает мне место на низком диванчике против себя — и смотрит на меня пытливыми этими большими глазами. Вижу в них, прежде всего, отражение большого ума. Я уже знала, что ему не впервой видеть европейцев разных слоев общества и разных состояний. Я знала из рассказов моего спутника о многих англичанках, американках и француженках, увлеченных идеями учения бегаидов, перебивавших у него и поклоняющихся ему. Из России я, первая женщина, являюсь к мудрецу, сыну изображенного мною героя, к тому, кто продолжает ныне в мире дело проповеди любви ко всем.

Вождь спрашивает меня, как я перенесла путешествие. Он говорит ясным, высоким голосом, которого нельзя было ждать, очень приятным тенором, а Али Акбер переводит, произнося слова тихо, как будто боясь спугнуть кого-то, тихо, набожно, серьезно, с полуопущенным взором...

На мой ответ, что «недурно, хотя были и волнения», он заметил: «Мы постараемся заставить вас забыть о трудностях пути». При этом он приветливо взглянул на меня.

— Находясь сейчас перед вами, я уже забыла о всех его трудностях, — на то сказала я, в тоне рыцарского замечания Абдул-Беха.

Наслышавшись, вероятно, о трескучих морозах Сибири, он спросил меня, какая в зимнее время в Петербурге погода.

— В два часа, вот теперь, у нас уже зажигают свечи. Мы редко видим оба солнца: и солнце неба, и солнце духа.

— После бессолнечных петербургских дней и дорожных страданий вы можете отдыхать теперь под солнцем этой страны. Настанет время, что и духовное солнце будет блестеть во всей своей красоте, — заметил вождь своим красивым музыкальным молодым голосом.

Я вспомнила слова Баба в моей трагедии «Баб»:

Клянусь, клянусь, клянусь. Настанет царство света,
Земная мгла уйдет, она уйдет, и вновь,
В короне из лучей, царицею одета,
С небес далеких к вам сойдет она, любовь...¹⁹

О солнце любви, конечно, говорил этот восточный мудрец.

— Спокойно ли у вас в России теперь?

— Наружно, кажется, да. Но часто такие волнения, как внешние болячки, если они сгоняются с поверхности тела, они загоняются внутрь, что хуже, — сказала я, желая показать мою политическую прозорливость.

— Посеянные зерна мира Толстого должны были дать плоды, но он не сумел примирить обе стороны. Он стал против правительства. Хотя теперь, правда, такое время, что самодержавие не может более суще-

ствовать ни в одной стране. Но надо ему (Толстому) отдать справедливость — речи его дышат миролюбием. Вы живете в такое время, когда вашу страну потрясают волнения и борьба... а я родился в тот год, когда у нас кругом проливалась кровь за Божье Слово. Когда я сосал грудь — громили последователей нашего учения; когда я возмужал — я видел сам притеснения и гонения, которым подвергали ревнителей любви и мира. Я пять раз был выслан, 42 года я был лишен свободы передвижения, однако я всегда с радостным духом подчинялся воле Аллаха, радостно терпел ради той истины, перед которой склоняюсь, в которую верю и воцарение которой вижу; да, я вижу плоды посеянных зерен рукою Беха-Уллы...

После этого обмена речей Мирза Али Акбер стал ему докладывать содержание моей драмы — все в той же почтительной позе. В течение доклада Абдул-Беха много раз произносил одобрительное «хейли хуб», слово уже мне известное... «Хейли хуб», «хейли хуб» — повторял он на разные лады, от времени до времени поглядывая на меня, то с пытливостью, то с некоторым удивлением, то с одобрением. И я в свою очередь взглядывала на этого человека, власть которого безгранична над его последователями, которого я увидела тут впервые и которого я с нигилизмом европейца хотела скоро разгадать.

Когда «докладчик» кончил, мудрец сказал:

— Вы первая женщина, проложившая путь к познанию Баба и Беха-Уллы в изображении поэта. Много было женщин-цариц, как в Европе, так и в Азии, но что от них осталось? Одна Мария Магдалина, которая была простая женщина, своей духовной любовью к Богу жива и до сих пор. Лик ее блещит с горизонта христианского мира. Вот что значит не довольствоваться земными низкими радостями, не бежать за обыкновенными благами, ибо самая высшая степень этих благ доступна всем, даже животным. Вот серна несется по горам. Ей кажется, что для нее одной расстилаются луга, течет река... Но что остается от ее наслаждений? Однажды, когда я был на горе Кармель, я увидел на ветке кипариса воробья у гнезда. Тут же была его подруга. Птенцы радостно щебетали ему навстречу, а он с ветки глядел на расстилающиеся луга. Казалось, все принадлежало ему. Я показал сопровождавшим меня друзьям на птицу и сказал: «Есть ли в мире царь, который был бы довольнее ее? Но и эти радости преходящи, и если оне (так! — Е. М.) могут удовлетворять животное, то разве человек создан только для этих удовольствий?» Я хочу сказать, что вы положили много труда, не довольствуясь радостями земными, что вы вознеслись на высоту духовного мира, что вы витали в сфере миролюбия ради блага людей, и потому будьте покойны — ваши труды не пропадут даром. «Беха-Улла» будет переведен на все языки и будет ставиться на всех сценах. Его будут играть даже в Персии, — предсказывал он.

Мне было приятно слушать эти речи, хотя я и не верила осуществлению этих предсказаний.

В это время нам подали чай.

Абдул-Беха порывлся в бумагах, которые были разбросаны по маленькому столику, и сказал: «Вот я получил из Америки письмо: один бабид сочинил гимн, и его пели белые и черные люди. До этого никогда обе расы не соединяли своих голосов для молитвы».

Считая нужным показать свой ум, наконец, я заметила: «Я думаю, краски лиц останутся, но сердца изменятся и сольются в любви».

Вождь подтверждающе кивнул головой и совсем просто улыбнулся, улыбнулся отечески снисходительно. Так улыбаются детям, которые случайно скажут что-нибудь вне круга их детского понимания. Эта улыбка растопила лед, который, казалось мне, стоял между нами и образовался под холодом моего скептицизма. Я почувствовала себя совсем свободно и легко.

Вскоре Абдул-Беха отпустил нас, и, как я узнала потом, он распорядился отвезти меня в лучший отель Рамлэ, где я жила в качестве его гостыи.²⁰

¹ Ср.: «...религия Бахаи имеет свои корни в Исламе, однако она представляет собой независимую форму поклонения Богу, а не исламскую секту. А иначе пришлось бы считать Христианство иудейской сектой на том основании, что оно выросло из Иудаизма» (цит. по: *Шефер Удо*. Вера Бахаи: секта или религия? СПб., 2003. С. 32).

² Ср.: «Сии святые Явления (т. е. Божоявления. — Е. М.) освобождают человеческий мир от присущих ему несовершенств, и благодаря Им люди обретают красоту небесных совершенств» (Абдул-Баха. Цит. по: *Раскрывая наше духовное предназначение...* СПб., 2002. С. 107).

³ Спутник И. Гриневской был инженером. «При письме от 1 сентября 1909 г. проживавший в Баку инженер Мирза Алекпер Мамедханов (1875–1920) по мировоззрению бехаист, прислал свой перевод из речей Абдул-Беха Аббас<a> Эфенди “Воззвание к бехаистам востока и запада”» (Примечание к письму Л. Н. Толстого от 22 сент. 1909 г. Цит. по: *Толстой Л. Н.* Мирзе Алекпер Мамедханову // *Толстой Л. Н.* ПСС. Т. 80: Письма, 1909 (июль-декабрь). С. 46. Неверно указан год рождения М. А. Мамедханова; правильно: 1865 г.).

⁴ *Гриневская И.* Охота на медведя (драматический этюд в одном действии) // *Гриневская И.* Одноактные пьесы и монологи (12 одноактных пьес и 5 монологов). СПб., 1907.

⁵ «*Grattez le Russe et vous trouverez le Tartare*» — «Поскоблите русского, и вы найдете татарина» (фр.).

⁶ На самом деле спутник И. Гриневской был серьезно болен. В недатированном письме к ней он пишет (пунктуация и подчеркивание его): «Что касается меня то я умирал доктора мне предписали если в сутки 24 часа, то 25 часов надо лежать то есть порой временами мне было так плохо что я хотел писать завещание, но клянусь в завещании своем хотел писать чтобы от моего имени написали Вам: «Прости» вот уже месяц и больше как живу на даче. Слава Богу мне сейчас лучше, но чтобы я мог совершенно поправиться мне кажется этого не возможно ибо у меня порок сердца <...>» (цит. по: Мамедханлы Мирза Аликпер [Алекпер]. Писем (86 и 8 телеграмм из Баку // РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 2, № 785, л. 152–153. Публикуется впервые).

⁷ Мирза Али Акпер (Алекпер) — Мирза Али Акбар Нахджавани (Mírzá 'Alí-Akbar-i-Nakhjavání) (1865—1920), был переводчиком переписки между Абдул-Баха и Л. Н. Толстым, а также между Абдул-Баха и И. А. Гриневской. В Азербайджане он был известен под именем Мирза Алекпер Мамедханлы, а в обеих столицах Российской империи его называли на русский манер Мирзой Алекпером Мамедхановым (так он и подписывался). В 1910—1912 гг. он сначала сопровождал И. Гриневскую в путешествии на Восток, а затем — Абдул-Баха в поездках по Европе и Северной Америке (подробнее см. в: *Гриневская И. А. Путешествие в Края Солнца* (о виденном, слышанном и испытанном) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. С. 452, 457, 458, 467, 487—489; Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018—2019 годы. С. 272, 278—279; РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 2, № 785, л. 1—2, 10, 15, 69—70, 74—76, 78—79, 87, 95—96, 120—121, 126—127, 153—155; И. А. Гриневская. «Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном)». <1911—1914> // Россия. Запад. Восток: Культурные связи: Документы и материалы из собраний Пушкинского Дома: Альбом. СПб., 2018. С. 278—279; Mírzá 'Alí-Akbar-i-Nakhjavání: With Newly Translated Tablets of 'Abdu'l-Bahá. Wilmette, Illinois, 2018. Мирза Али Акбар сыграл видную роль в распространении Веры Бахаи; его жена, Фатима Ханум (?—1937), происходила из известной семьи бахаи, ее родители были сподвижниками Бахауллы и последовали за ним в Акку (Акко), куда его сослали пожизненно. Фатима Ханум и ее сестра Зинат Ханум были смотрительницами дома, где провел последние годы жизни Бахауллы. Сын Мирзы Али Акбара — Али Нахджавани (1919—2019), с 1963 по 2003 г. был членом Всемирного Дома Справедливости (верховного духовного и административного органа Веры Бахаи).

⁸ Ср.: «Если мысли человека постоянно направлены на Божественное, он вступает на путь святости; тот же, чьи мысли не возвышенные, а приземленные <...> постепенно становится все ниже и ниже, опускаясь в конце концов до состояния, немногим отличающегося от животного» (Абдул-Баха. Цит. по: *Раскрывая наше духовное предназначение...* С. 28).

⁹ Ср.: «Я создал язык, дабы поминали Меня; не оскверняйте его хулою. Если огонь себялюбия охватит вас, вспоминайте свои недостатки, а не недостатки сотворенных Мною, ибо всякий из вас знает себя лучше, чем другого» (*Бахауллы*. Сокровенные Слова. М., 2014. С. 62—63).

¹⁰ *Ренан (Renan) Жозеф Эрнест* (1823—1892) — французский историк религии, семитолог, философ. «Потрясающее впечатление» произвела на Гриневскую книга Ренана «Жизнь Иисуса» (см.: *Фидлер Ф. Ф.* С. 255). Очевидно, и о Бабе («основателе бабизма») она впервые прочитала в книге «Жизнь Иисуса» (*Renan Ernest. La vie de Jésus*, Paris, 1863; рус. перевод: СПб., 1902), которая входит в «Историю происхождения христианства» (*Renan Ernest. Histoire des origines du christianisme*, Paris, 1863—1881; рус. перевод: СПб., 1864—1907), состоящую из семи книг.

¹¹ «*De soi on ne doit parler ni en bien, ni en mal*» — «О себе не должно говорить ни плохо, ни хорошо» (*фр.*).

¹² В переводе с итальянского языка эта фраза означает: «Я честный, другие — нечестные».

¹³ *Данте Алигьери (Dante Alighieri)* (1265—1321) — итальянский поэт, мыслитель.

¹⁴ *Signor* — синьор, господин (*итал.*).

¹⁵ *Красный товар* — ткани, мануфактура.

¹⁶ Здесь: городская наземная электрическая железная дорога.

¹⁷ Видимо, румынские музыканты, вошедшие в моду в начале XX в. «Они выступали в ресторанах “Донон”, “Контан”, “Метрополь”, “Палкин”, “Эрнест”, “Яр”

и других. Причем они стали так популярны, что появилось немало “псевдорумын”. В конце концов в 1903 году проживавшие в столице румыны обратились к властям с просьбой запретить музыкантам других национальностей носить в оркестрах и капеллах румынские костюмы» (цит. по: *Демиденко Ю. Б.* Рестораны, трактиры, чайные...: Из истории общественного питания в Петербурге XVIII – начала XX века [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=228137&p=5>).

¹⁸ *Кламис* (перс.) – рубаха из хлопчатобумажной ткани; *лабаде*, *лаббаде* (перс.) – вид мужской длинной одежды.

¹⁹ Ср.: «Клянусь, клянусь, клянусь! Настанет царство света, / Ночная мгла уйдет пред блеском дня, и вновь / В короне из лучей царицею одета, / С небес далеких к нам сойдет навек любовь...» (курсив наш. – *Е. М.*) (*Гриневская И.* Баб: Драматическая поэма из истории Персии. В 5 д. и 6 карт. 2-е изд., Пг., 1916. С. 141).

²⁰ Продолжение следует.

Библиографический список

1. *Бахаулла*. Сокровенные Слова. М., 2014.
2. *Гриневская И. А.* Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) [главы I–VI] (Публикация *Е. А. Митник*) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 434–491.
3. *Гриневская И. А.* Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) (Продолжение) [главы VII–VIII] (Публикация *Е. А. Митник*) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 271–287.
4. *Гриневская И.* Баб: Драматическая поэма из истории Персии. В 5 д. и 6 карт. СПб., 1903.
5. *Гриневская И.* Баб: Драматическая поэма из истории Персии. В 5 д. и 6 карт. 2-е изд. Пг., 1916.
6. *Гриневская И.* Беха-Улла (Блеск Божий): Поэма-трагедия в стихах (из истории религиозных движений в Персии). В 5 д. и 6 карт., с эпилогом. СПб., 1912.
7. *Гриневская Изабелла* Аркадьевна. Фонд 55 / *Е. В. Виноградова* // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 1101.
8. *Гриневская И.* Мишель Монтэнь и его «Essais» // Образование. 1896. № 11–12.
9. *Гриневская И.* Мишель Монтэнь и его «Essais» // Театр и искусство. 1902. Т. VIII. Вып. седьмой. С. 1–25; вып. восьмой. С. 1–19. (Б-ка ж-ла «Театр и искусство»: беспл. прил.; № 41).
10. *Гриневская И.* Охота на медведя (драматический этюд в одном действии) // *Гриневская И.* Одноактные пьесы и монологи (12 одноактных пьес и 5 монологов). СПб., 1907.
11. *И. А. Гриневская.* «Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном)». <1911–1914> / Публикация *Е. А. Митник* // Россия. Запад. Восток: Культурные связи: Документы и материалы из собраний Пушкинского Дома: Альбом. СПб., 2018. С. 278–279.
12. *Изабелла Аркадьевна Гриневская* // *Фидлер Ф. Ф.* Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей. М., 1911. С. 243–264.

13. *Митник Е. А.* Изабелла Гриневская — забытый литератор Серебряного века: Сб. науч. ст. студ. и аспирантов. Гуманитар. фак-та Северо-Западного института печати. СПб., 2007. С. 9—20.
14. *Митник Е. А.* Неизвестные материалы Изабеллы Гриневской: «Путешествие в Края Солнца» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 246—267.
15. *Митник Е. А.* Очерковая книга Изабеллы Гриневской «Путешествие в Края Солнца» как завершение ее трилогии о бахаизме // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения-2007): Сб. науч. тр. СПб., 2008. С. 151—158.
16. *Митник Е. А.* Религиозно-исторические сочинения Изабеллы Гриневской // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения-2006): Сб. науч. тр. СПб., 2007. С. 148—155.
17. Раскрывая наше духовное предназначение... СПб., 2002.
18. *Шефер Удо.* Вера Бахаи: секта или религия? СПб., 2003.